

**Ю. В. Токарева**  
(научный руководитель **Т. А. Снигирева**)  
Уральский федеральный университет  
Екатеринбург, Россия

### **«Какое небо было у нас в саду...»: образ детства в письмах А. А. Тарковского**

**Аннотация:** статья посвящена рассмотрению образа детства на материале писем А. А. Тарковского и сборника «Константинополь. Книга рассказов». Дается характеристика издания эпистолярного наследия поэта и типология писем. А. А. Тарковский обращается к детству в момент экзистенциального испытания войной.

**Ключевые слова:** письма, А. А. Тарковский, образ, детство, книга рассказов, память.

Том «Проза. Письма» [Тарковский, 2021] (третий сборник серии «Тарковский. Из наследия») сегодня является наиболее полным изданием эпистолярного наследия поэта, охватывающим период с 1926 по 1986 гг. и публикующим в том числе и недатированные отправления (которых всего 20 на эпистолярный из 371 текста). Письма разделены на два блока: «Письма к родным» (прежде всего письма к матери, М. Д. Тарковской, первой жене, М. И. Тарковской (Вишняковой), и детям, Андрею и Марине Тарковским) и «Письма к разным лицам» (список адресатов формируется по принципу алфавитного порядка).

При обращении к своду писем, где возникает или упоминается детство, деление так же будет производиться на две группы: первую – эпистолярные тексты о детстве, вторую – письма-апелляции к нему как к метафизической категории, связанной с размышлениями о жизни и смерти, о времени и вечности.

А. А. Тарковский говорит о детстве будто бы случайно: «...Я с детства люблю парусники...» [Тарковский 2021: 560]; «...Античные фобии понимаешь уже взрослым, я это знаю по Штоллю, что был у меня в детстве...» [Тарковский, 2021, с. 475–476]. Точность этих воспоминаний поражает: детство не становится призраком, который наведывается в смутном видении – оно всегда конкретно, насколько может быть: от характеристики его как «периода» и вплоть до ощущений. Реальное пространство при этом не обладает значительными деталями: детство становится лишь отрезком на долгой линии жизни; все остальное в тексте вокруг не управляет им, а синтезируется и подстраивается под него – задается тон, формирующий особую музыку тоски: «Это как птичья ностальгия, и сильнее меня, и это один из сильных двигателей моей души» [Тарковский, 2021, с. 480].

Конкретность воспоминаний для писем, где детство становится лишь характеристикой времени повествования, почти не свойственна; наиболее подробным из них оказывается письмо к В. А. Базилевскому от 31 мая 1984 г. о случившемся в кировоградском театре пожаре, где выгорела вся сцена [Тарковский, 2021, с. 768]. В юности А. А. Тарковский часто посещал это место: «С этим театром у меня очень много связано – начиная с детства: Саксаганский часто водил меня с собой на свои спектакли, а это был действительно великий актер...» [Тарковский, 2021, с. 421].

Значимость этого театра и случившейся трагедии для адресанта определяется не только за счет лексики («С этим театром у меня очень многое связано...»), но и благодаря вводимым фигурам деятелей и причастных к театру людей (А. К. Саксаганского). Именно они открыли для А. А. Тарковского театр и повлияли на его восприятие драматургии, определив тем самым его эстетические взгляды на всю жизнь. Брат А. К. Саксаганского, И. К. Карпенко-Карый, воспитывал отца А. А. Тарковского «до тех пор, пока <...> (Александр Карлович Тарковский – Ю. Т.) не уехал в сибирскую ссылку» [Тарковский, 2021, с. 421]. Так близость круга, в том числе и семейного, сохраняется не только благодаря самому родству, но и памяти, которая и организует единство связей и отношений.

Театр становится одним из пространств, конкретных и осязаемых, в воспоминаниях; реальность, ощутимость детства, когда оно становится объектом осмысления, задающего

интенцию истинности бытия, предельна: достаточное количество деталей позволяет не только увидеть его, но и услышать. Первое упоминание детства относится к письму от 14 ноября 1943 г. к матери, М. Д. Тарковской. Уже десять месяцев А. А. Тарковский служит на фронте военным корреспондентом и автором материалов в газете II-й (потом 16-й Гвардейской Краснознаменной) Армии «Боевая тревога». Он постоянно находится на грани жизни и смерти, и это существование *между* становится причиной возвращения детства из памяти, его актуализации и следующей за этим ретроспекции.

«Полностью счастлив я был лишь в детстве» [Тарковский, 1991, с. 241], – скажет А. А. Тарковский позже, в 1982 году, М. Аристовой в интервью «Пунктир»<sup>1</sup>. И это счастье прошлого, когда страшное не познано, подсвечивает святость и «далекость» детства от всего губительного и земного. Прошлое наполняется деталями: «У нас сегодня почти весенняя погода, и я думал о Тоне, о детстве, о том, какое небо было у нас в саду, и стало мне грустно, п<отому> ч<то> мне 35 лет, и юность, а вроде и молодость, позади, и так много еще труда впереди, прежде чем снова заживем и вернемся <в> до-войны» [Тарковский, 2021, с. 259].

Эфемерность описываемого передается за счет градации и содержащегося внутри нее алогизма: ряд нарушается благодаря высокой ассоциативности, образности восприятия. Выше становится *чувство*. Выход на уровень вечного происходит за счет постоянной смены фокуса: сначала погода, затем – любимый человек, после – время счастья и радости, и обратно – к погоде, но той, что была в детстве – к небу. Закольцованность усиливает общий план, выходит одновременно и на конкретику (небо), и на ее же отсутствие (одно ли небо, или же оно каждый раз было иным?). Эта предельная открытость и предельная замкнутость воспоминания позволяет говорить о неоднородности образа детства: он является частью прошлого и, соответственно, памяти, которая задает вневременной характер, не покидая А. А. Тарковского ни на миг.

Воспоминания плавно (благодаря речитативной структуре «и..., и...») переходят к эмоциям от увиденного: «...и стало мне грустно». Фокус смещается с общего на «я» и позволяет перевернуть и временное ощущение: от прошлого к «сейчас» через введение фактологии: «...мне 35 лет, и юность, а вроде и молодость, позади...». Когда нарушается ритмичность, вводимая рядом образов, а затем и часть реальности, происходит выход на будущее: «...и так много еще труда впереди: прежде чем снова заживем и вернемся <в> до-войны». Но это будущее *иное*, непривычное нам: оно возвращает в прошлое, в мир «до» – и опять происходит закольцовывание.

Война оказывается точкой остановки, паузой, которую надо переждать и перемолчать, чтобы вернуться в «до», в период, который мог бы быть схож с жизнью, с детством: «А я помню тебя, и часто-часто думаю о тебе, потому что все довоенное стало таким туманным и далеким – ты кажешься мне милой сестрой, такой доброй и светлой, – пишет А. А. Тарковский М. Д. Тарковской, тем самым заостряя внимание на кровном и на духовном единении людей [Тарковский, 2021, с. 310]. Детство – часть божественного: оно связывает людей воедино, позволяя почувствовать родственную связь, которая была прежде, до изгнания из рая (этот топос довольно важен при рассмотрении художественного значения образа детства в творчестве), но только в момент соприкосновения жизни и смерти.

Образ детства словно оказывается на пороге временного – того, что было в прошлом, когда-то «до», с конкретными людьми – и в то же самое время на пороге вечного, относящемуся к нему в своей исполненности счастья, почти священной чистоте и недостижимости. Та детская радость, которая возвращается, обостряется при близости смерти, становится почти божественно спасительной для А. А. Тарковского; она поддерживает его, как молитва, как то, ради чего можно вернуться, то, что является частью дома, иногда, впрочем, становясь предметом боли поэта. В одном из писем к В. А. Базилевскому от 31 мая 1984 А. А. Тарковский говорит о своем детстве как о довольно тяжелом и сложном периоде: «...детство мое было отнюдь не золотым для меня, я ведь рос в условиях гражданской войны, и когда я думаю о прошлых временах, передо мной проходят совсем не веселые картины» [Тарковский, 2021, с. 418].

<sup>1</sup> «Беседа является расшифровкой магнитофонного интервью, взятого у А. А. Тарковского Мариной Аристовой» [Тарковский, 1991, с. 266]. Опубликовано впервые в журнале «Семья», №17, 1990.

Жестокие картины страшного мира детства довольно часто появляются в «книге рассказов» «Константинополь». Сам сборник через название определяет юные годы как недостижимый рай. На это указывает сакральное значение города в культуре: по одной из легенд, именно Бог руководил Константином I Великим при выборе места для будущей столицы Византии.

В одном из рассказов – «Обмороженные руки» – жестокосердные черты детства подсвечивается не со стороны войны, как, например, в рассказе «Воробьиная ночь», где соединяются гроза, смерть и война, противостоящие молитве, детской храбрости и времени. Здесь, в этом прозаическом тексте, беспощадность времени передается через детали быта.

Событие разворачивается в 1919 году, когда Арсения отчитывают за то, что он ходит босиком в музыкальную школу: денег на новую обувь у семьи нет. Он решается заработать, и по совету знакомого приходит в «контору», где ему дают указание предлагать простым людям оформить подписку на газету «Ремесленные Ведомости». Заканчивается рассказ тем, что в один день мама просит Арсения забрать паек в виде двадцати четырех фунтов мучных конфет. Герой, прежде потерявший рукавицы, обмораживает руки в очереди за сладостями, оказываясь при этом обруганным продавцом, которому он когда-то предложил оформить подписку.

Детали определяют то, насколько жестоким, «колючим» был мир детства в период Гражданской войны: сшитый из зеленой плюшевой портьеры костюм, пальто из маминой ротонды, роковые потерянные рукавицы, жестокость окружающих... Холод и отчужденность не только природы, но и людей удивляют: личное оказывается наименее значимым, стоит ему столкнуться с общественным. Почти драматический пафос «образует» текст: невозможно выбрать между желанием продолжить обучение, не прося родителей о помощи («Конечно, она купила бы их, если бы узнала о моем унижении, но для этого ей пришлось бы продать что-нибудь из своих вещей – теплый платок или валенки...») [Тарковский, 1991, с. 171–172]), и приходится рисковать – такое было время.

О жестокости детства А. А. Тарковский пишет лишь в поздний период – после 1980-х годов. Прежде же воспоминания исполнены счастья и радости, но этот образ, впрочем, становится значимым и со стороны определения самого *бытия поэзии*.

Одно из писем А. А. Ахматовой<sup>1</sup>, датированное 11 ноября 1958 года, является свободной рецензией на статью «Каменный гость» Пушкина. В ней А. А. Ахматова утверждает, что А. С. Пушкин при создании образа Дон Гуана аккумулирует собственный опыт и «создает законченные и объективные характеры: он не замыкается от мира, а идет к миру» [Ахматова, с. 195]. А. А. Тарковский в начале письма дает ответ на позицию А. А. Ахматовой, после этого – предлагает свою трактовку образа Дон Гуана, выстраивая ее на основе параллелизма него с фигурами пушкинских Моцарта и Сальери: «Итак, мне хочется подчеркнуть исключительность мышления лирического поэта, его – скажем без обиняков – божественную сущность, моцартианскую (по соседней трагедии) – детскую в основе способность <...> найти самое нужное, центральное во множестве, что скорей сделает ребенок, чем мудрец, потому что художник есть сила, действующая на линии преемственности культуры и преемственность выработала в нем инстинкт точного и мгновенного удара безусловно самовыражающего лирические свойства, а инстинкт легче и целесообразней проявляется у ребенка, чем у взрослого, у Моцарта (“гуляка праздный”), чем у Сальери (он “алгеброй гармонию поверил”)». [Тарковский, 2021, с. 402–403].

«Детскость» становится одной из наиболее значимых частей, определяющих музыкальность таланта. Лежащая в основе «божественная сущность», непринужденность, лишенная взрослого нарратива, делает из обычного творца гения, возвышает Моцарта над Сальери. «А тем временем детство <...> все состояло из глубокой и таинственной поэзии», – писала О. А. Седакова в эссе «Заметки и воспоминания о разных стихотворениях, а также «Похвала поэзии» [Седакова, с. 24], и мысль эта полностью созвучна ощущению значимости

---

<sup>1</sup> Знакомство А. А. Тарковского с А. А. Ахматовой, впоследствии перешедшее в дружбу, состоялось в доме поэта Г. А. Шенгели в 1946 году.

детства в картине мира поэта, который утверждает действительность в «ребяческих» глазах, приравнивает «имена к вещам» [Седакова, с. 25].

Образ детства выступает в роли источника гения и невыразимого – того, что формирует надчеловеческое в человеке, ирреальное в материальном. Соотносимость с божественным провидением выстраивается и на уровне аллюзий: «Но мы знаем: если не будете как дети, не увидите... <...> Сальери убил Моцарта потому, что тот был «как дети», был богом в скуд<ельном> сосуде» [Тарковский, 2021, с. 403].

А. А. Тарковский цитирует Евангелие от Матфея: «И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф 18:3), – усиливая единство образа детства с *Иным* началом. Материя поэзии не обожествляется, точнее – она возвышается, но не становится идентична божественному, поскольку является тем, что было создано ребенком и представлено миру человеческому или же «надиктовано детьми детей»<sup>1</sup> [Тарковский, 2021, с. 411], которые сами уже являются частью *Небес*.

Детство определяет творение временного, самого человека, и того, что создает он, сохраняя в себе ту «ребяческую» непосредственность и чистоту, что была вложена в него изначально *свыше*. «Я все вспоминаю детство, верно уже на пороге гроба, и все хочу убедить тебя, как я люблю и Юрочку, и тебя, и как мне смертельно жаль себя. Как бы я хотел обнять еще разок тебя, и поехать в Елисаветград, где ничего, ничего ровно уже не осталось», – писал А. А. Тарковский Н. Д. Станиславскому и Т. В. Никитиной-Станиславской [Тарковский, 2021, с. 571]. Письмо осталось без даты, и эта забытая часть словно определяет всю интенцию образа детства в творчестве поэта: оно возникает «на пороге гроба», в любви к близким, в жалости к себе, в сожалении, в тоске и том когда-то реальном, но уже исчезнувшем с карты месте (Елисаветград в 1939 году был переименован в Кировоград), которое приобрело иной статус.

Выстраивается закономерность, благодаря которой в письмах А. А. Тарковского можно реконструировать два начала, созданных поэтом: детство как часть памяти и детство как часть сущности поэзии, определяющая истинность бытия и гения. Полиаспектность, неоднородность образа соотносится с художественным миром А. А. Тарковского, позволяя тем самым посмотреть на «Константинополь» как на реконструкцию недостижимого рая, выстроенного благодаря памяти, которая позволяет достигнуть *Иного* мира – божественного.

### Литература

Ахматова А. А. «Каменный гость» Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 185–195.

Седакова О. А. Заметки и воспоминания о разных стихотворениях, а также «Похвала поэзии» // Седакова О. А. Том III. Poetica / Четыре тома: сб. в 4 т. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. Т. 3. С. 13–95.

Тарковский А. А. Письма // Тарковский А. А. Проза. Письма / вступ. ст. Н. А. Резниченко; сост., подготовка текстов и коммент. М. А. Тарковской и В. А. Амирханяна; отв. ред. Д. П. Бак ГМИРЛИ имени В. И. Даля. М. : Издательство «Литературный музей», 2021. (Тарковские. Из наследия).

Тарковский А. А. Т. 1. Стихотворения // Тарковский А. А. Собрание сочинений: в 3 т. / сост. Т. Озерской-Тарковской; вступ. ст. К. Ковальджи; примеч. А. Лаврина. М. : Худож. лит., 1991. Т. 1. Стихотворения.

Тарковский А. А. Константинополь. Книга рассказов // Тарковский А. А. Собрание сочинений: в 3 т. / сост. Т. Озерской-Тарковской; вступ. ст. К. Ковальджи; примеч. А. Лаврина. М. : Худож. лит., 1991. Т. 2. Поэмы; Стихотворения разных лет; Проза. С. 141–178.

Тарковский А. А. Пунктир // Тарковский А. А. Собрание сочинений: в 3 т. / сост. Т. Озерской-Тарковской; вступ. ст. К. Ковальджи; примеч. А. Лаврина. М. : Худож. лит., 1991. Т. 2. Поэмы; Стихотворения разных лет; Проза.

<sup>1</sup> Я верю, что стихи Ваши диктовали Вам дети наших детей для того, чтобы им был на радость непрерывный поток великой русской поэзии. [Тарковский 2021, с. 411]

**Tokareva I. V. “What a sky we had in our garden...”: the image of childhood in the letters of A. A. Tarkovsky**

**Abstract.** The article examines the image of childhood based on the material of A. A. Tarkovsky's letters and the collection “Constantinople. A book of short stories”. The characteristic of the publication of the poet's epistolary heritage and the typology of letters are given. The definition of the image of childhood occurs through contrasting it with the contact of life and death as a point of change in the poet's work during the war and post-war periods. Childhood is a measure of “universal divinity” and expects the whole picture of the creator's world.

**Keywords:** letters, Tarkovsky, image, childhood.